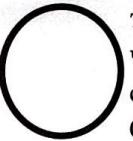

ВЕЛИКАЯ ПУСТОТА

Монголия – наименее населенная страна мира. На площади, превышающей территорию половины Европы, живет всего 3 миллиона человек, причем половина из них в столице – Улан-Баторе. Как сегодня живет нация, некогда завоевавшая половину мира?

Текст

Мария Задонская

тправиться в Монголию в одиночку – отчаянная идея. Что стояло за этим? Простое желание уехать куда-то подальше? Стремление попасть в сюжет, где на много километров есть только великая степь, пара юрт и я? Попасть в свою «внутреннюю Монголию»?

План предельно прост: пересечь границу России и Монголии на поезде. Доехать до столицы – Улан-Батора. На месте узнать, как проехать вглубь пустыни Гоби, потому что в интернете информации нет.

Из города Красной Заводы (так переводится Улан-Удэ с бурят-монгольского) в город Красного Богатыря (Улан-Батор) раньше можно было добраться самолетом, поездом или автобусом. Пандемия внесла корректизы, и цены на самолет стали еще более неадекватными, чем двадцатичасовая дорога по полному бездорожью на автобусе. Поезд победил.

Сталинский ампир железнодорожного вокзала выглядывает из-под двадцатого слоя побелки. Привокзальная парковка приветствует запахами жареных хушуров (монгольские чебуреки), вареных буузов, пыли и выхлопа от маршруток. Ленивое послеобеденное августовское солнце жарит и создает почти пляжную обстановку, изредка нарушающую ледяным ветром. Загорелые водители в вытянутых трико по-свойски машут рукой и зовут отправиться в увлекательное путешествие в Иркутск, Аршан и прочие противоположные моей цели локации. Я прошагиваю мимо и залезаю в поезд.

Поезд Россия–Монголия оказался на удивление приличным, даже по-азиатски богатым. Ковры, большие полки купе, телевизор и даже цветастый розовый термос в китайском стиле на столике – для кипятка; ведь, как говорят в Азии, горячая вода помогает от всех болезней.

Просыпаюсь в пустом купе в 5:30 утра и выглядаю из окна. Там все как на картинке. Зеленые

холмы, будто покрытые ковром. Стоящие друг от друга на большом – действительно большом – расстоянии одинокие юрты. Небо. И больше ничего. Невозможно, чтобы здесь люди не думали по-другому. Никакого стремления скучковаться и поселиться рядом. Абсолютное уважение к колоссальному личному пространству соседа. Ведь его даже не видно. Другое понимание, что такое дом. Дом – это маленькое местечко для сна и огромные, огромные просторы природы вокруг. Будто модель космоса. И понимание своего места в мире. Поезд проносится через повторяющийся умиротворяющий пейзаж. Невозможно не фотографировать каждый холм; встреча с каждой новой юртой – как откровение. Они настоящие!

УЛАН-БАТОР

Мы прибыли в 6:40 утра. На чистом, выложенном брусчаткой и украшенном газончиками с бархотками перроне немноголюдно. Я решила идти до отеля пешком – не доверяю местным водителям. Нет ни тугриков (это реальное название монгольских денег), ни интернета. Только закачанная в телефон карта. Почти как в старые добрые времена путешествий без технологических примочек.

Вокзал здесь тоже советский. Такой же можно было бы увидеть где-нибудь в Самаре или в Туле. Сверху – красными буквами на кириллице вывеска «Улаанбаатар». Ленивое автодвижение.

Улан-Батор – единственный мегаполис Монголии в привычном понимании этого слова. 1,6 миллиона человек – это половина населения страны. Остальное – городки и аймаки, районные центры с населением, редко доходящим до 100 тысяч человек. Чаще 10–20 тысяч.

До прихода Советов город назывался Угра или Огро, то есть большая стоянка. Через него проходили караваны, следующие по Чайному пути из Китая в Сибирь. Вместо машин не так давно тут были верблюды. Вместо советских многоэтажек и китайских небоскребов – войлочные юрты и пагоды буддистских храмов. Улиц не было. Даже сегодня таксисты не ориентируются по быстроменяющимся названиям улиц, а спрашивают, рядом с чем находится место, куда нужно ехать.

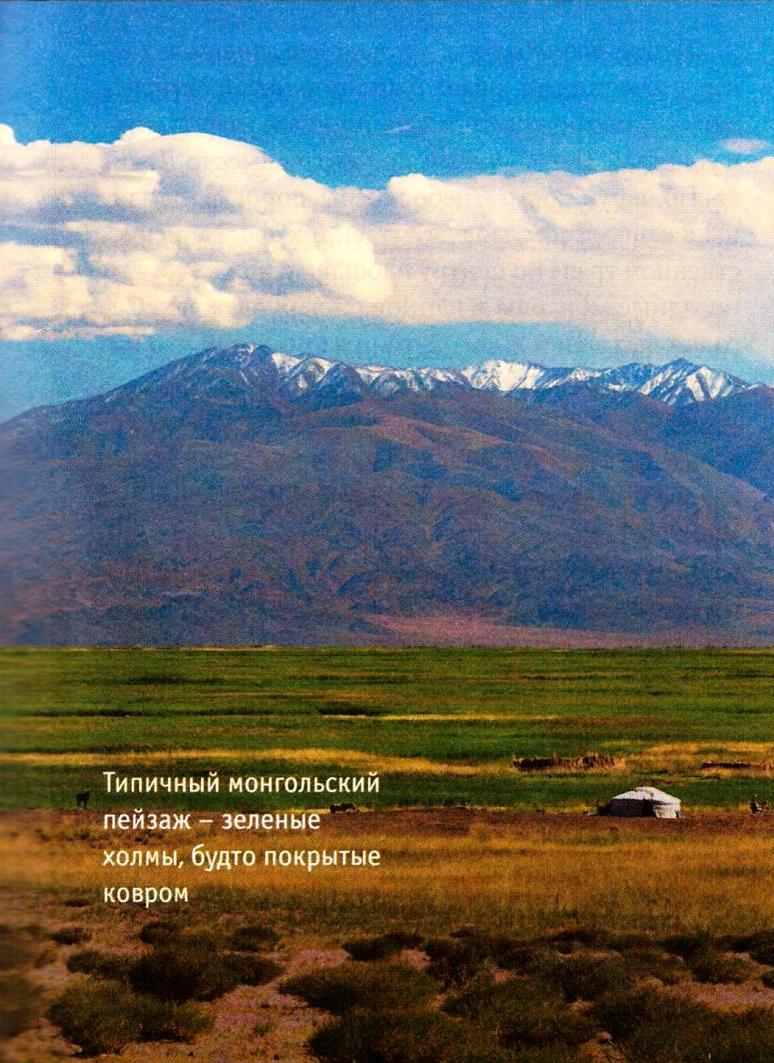
Сейчас, когда я иду от вокзала в сторону центра города к отелю, я прохожу попеременно то по каким-то трущобам, то по широким шоссе, обрамленным муравейниками в стиле Пекина. По поблекшему советскому фону щедро прошлились яркой

**ТАКСИСТЫ
СПРАШИВАЮТ, РЯДОМ
С ЧЕМ НАХОДИТСЯ МЕСТО,
КУДА НУЖНО ЕХАТЬ**

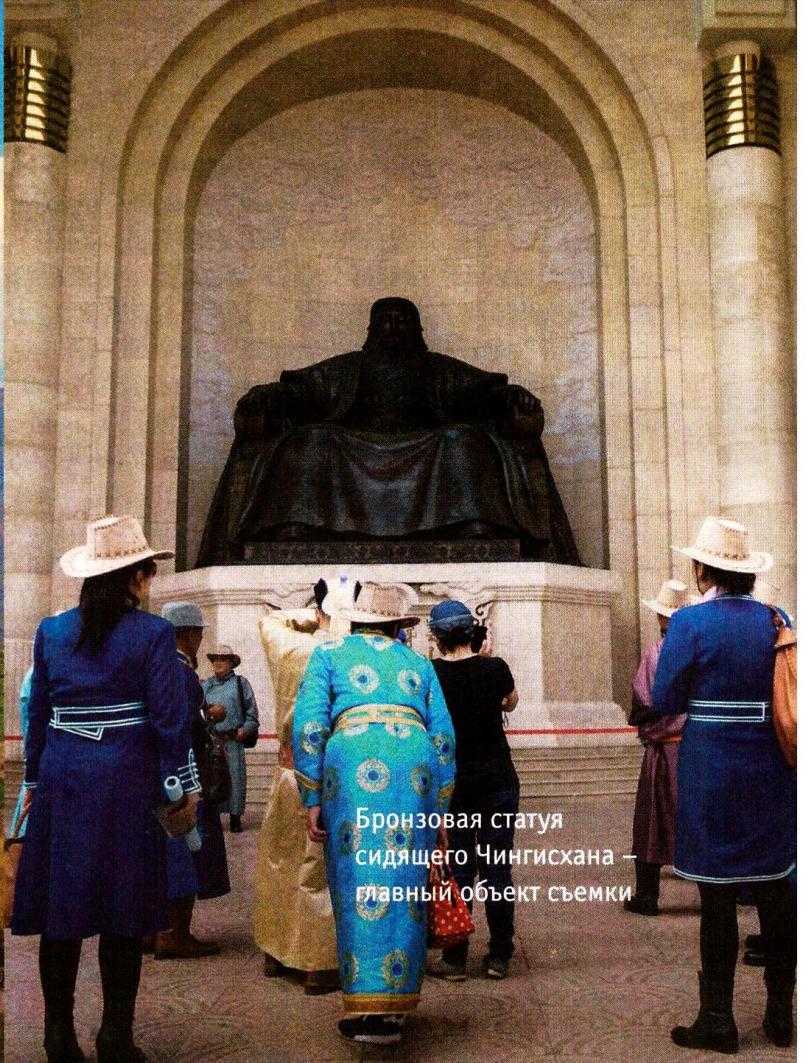
| БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ |

Вокзал в столице
Монголии Улан-Баторе –
образец советской
архитектуры

Типичный монгольский
пейзаж – зеленые
холмы, будто покрытые
ковром

Бронзовая статуя
сидящего Чингисхана –
главный объект съемки

азиатской краской. К облупленной хрущевке примостили кислотно-розовую пристройку с надписью «Classic hotel». Много кафе с корейской и китайской едой; круглосуточные мини-маркеты. Очень много стрипбаров. Видимо, я в туристическом районе. Чем ближе к центру города, тем слабее аромат советской столовой. Его заменяет явное влияние ближайших соседей Монголии – Кореи, Китая, Японии. Даже лица туристов здесь теперь такие: Монголия – очень популярное у корейцев направление для путешествий.

Иду в сторону главного магазина Улан-Батора – ЦУМа – в поисках того, без чего не представляю путешествие по такой неизведанной стране, как Монголия, – за путеводителем. Но меня ждал сюрприз: во всей Монголии я не смогла найти ни одного путеводителя по Монголии. Единственной спасительной находкой оказался Lonely Planet за 1998 год, открытый мной у букиниста. Это один из ранних путеводителей этой серии, от одного из первых авторов, когда путешествия по стране были еще не перемещением между глэмпингами и мишленовскими ресторанами, а, скорее, поиском некоего домика у бабушки в деревне.

Центр Улан-Батора – правительственные здания с колоннами, огромный бронзовый Чингисхан, сурово взирающий на площадь перед ним, и Хубилай хан, стоящий по центру вместо Ленина. По окружности – небоскребы, дорогие магазины с кашемиром, моллы, музеи и кафе. На искусственной траве по центру площади сидят тут и там праздные монголы в национальных одеждах. Сегодня выходной и какой-то праздник, так что народ наслаждается ничегонеделанием.

Я присоединяюсь к праздной толпе, наслаждаясь ощупыванием кашемира, примеркой того самого кашемирового пальто, которое тут, кстати говоря, стоит на наши деньги где-то 30 тысяч. Недешево, конечно, но за такую вещь это просто бросовая цена! Прогуливаюсь по магазинам, сравниваю цены на известные бренды. Кто бы знал, что идеальное место для шопинга, где все качественное и дешевле, чем у нас, раза в два, а то и в три, – это не Дубай, не Париж, а Улан-Батор!

ГОБИ

Впереди настоящее приключение – путь в Гоби. Неизвестно как, неизвестно, сколько по времени,

но однозначно по направлению. Из Улан-Батора в Гоби ведет одна дорога, трасса Улан-Батор – Даланзадгад. Город с красивым названием – столица аймака Южная Гоби, или Умнеговь по-местному. Тупиковая дорога. Дальше ее только барханы, километры пустоты и Китай. Точнее, китайская Внутренняя Монголия.

Еще в начале двадцатого века энтузиаст и любитель уединения генерал-лейтенант Белой армии барон фон Унгерн решил посетить Монголию. На тот момент страна уже долгое время была под властью Китая. Фон Унгерн решил помочь монгольским братьям. Он собрал несколько сотен тибетцев, бурят и монголов, и со своим разношерстным полком вышиб шокированных китайцев из столицы – Утры. Монголы настолько обрадовались, что назвали барона еще одним воплощением бодхисаттвы сострадания – Авалокитешвары. А затем, по какой-то своей монгольской логике, сдали его красным.

Красные поступили так, как поступали много где. Поддержали молодое независимое правительство Монголии. Провели демаркацию границы Монголии с Бурятией, взяв Бурятию под свое

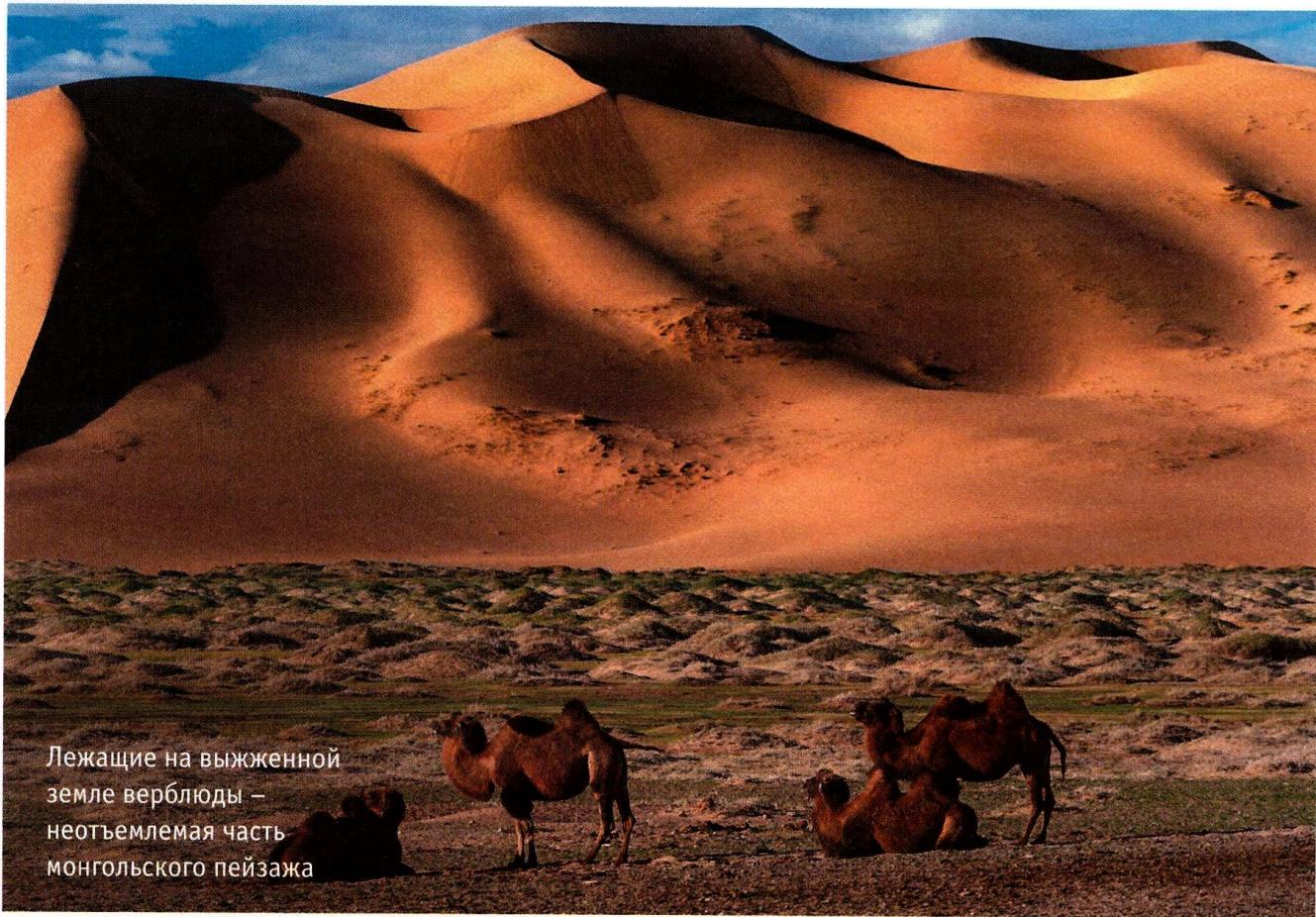
покровительство. А чтобы мирно уладить вопрос с китайскими братьями, половину страны отдали Китаю. Так и появилось две Монголии – Монголия независимая и Внутренняя Монголия на территории Китая.

Двигаться в сторону Китая было решено на местном автобусе. Я приехала на вокзал и чудом объяснила кассиру, что и когда мне нужно. Монголы не говорят ни на каком языке, кроме монгольского. Однаково ужасно знают как английский, так и русский. Полностью игнорируют китайский – видимо, вековая обида так и не прошла.

Выезжаем из города и двигаемся на юг. Периодически останавливаемся из-за пересекающих

МОНГОЛЫ ПОЛНОСТЬЮ ИГНОРИРУЮТ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК – ВИДИМО, ВЕКОВАЯ ОБИДА НЕ ПРОШЛА

| БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ |

Лежащие на выжженной земле верблюды – неотъемлемая часть монгольского пейзажа

дорогу стад: козы, овцы, кони, верблюды. Монголия – страна мясоедов. Здесь самое большое соотношение поголовья скота к количеству населения.

Большая часть населения до сих пор живет тем, что разводит животных и кочует с ними. Недалеко от стада виднеется юрта с припаркованным пикапом – это хозяева. Семья перемещается вместе с юртой четыре раза в год, чтобы сменить пастьбище, которое к концу сезона съедят животные. Одна семья всегда кочует в пределах одного квадрата, останавливаясь из года в год на одном и том же месте. О нем знают все соседи и почтальон. Он приносит почту в один из квадратов, на которые разбита страна, и отыскивает место кочевья определенной семьи в определенный сезон. Если в какой-то год место окажется пустующим, его займет другая семья. Земля не принадлежит никому, кочевники ею просто пользуются.

За окном зеленые холмы сменяются выжженной пустыней. Вместо овец верблюды. Кондиционер в автобусе перестает справляться – становится жарко и душно, стекла раскаляются. Останавливаются у однокого магазинчика среди песчано-каменных пейзажей Арракиса. Монголы из автобуса,

в котором я была единственной иностранкой, повалили за мороженым. А я пересаживаюсь с местного автобуса на джип с попутчиками – по пустыне автобусы не ходят. Постепенно опускается вечер.

Ночная дорога освобождает. Погружает в состояние вне пространства и времени. Особенно когда едешь по пустыне, где единственные источники света – это твои фары и огромная луна. Чувствуешь, будто машина и все люди в ней – единый организм, объединенный единой целью: доехать.

«Держите курс на огни!» – просемафорили нам из юрточного лагеря, где мы планируем провести ночь. «Как въедете поглубже в пустыню, дорога оборвется. Следуйте за столбами электропередачи. И через минут 40 сверните налево, по направлению к свету: мы включим фонарик. Всего лишь два часа – и вы у нас!»

Потеряться в Гоби – возможность нешуточная, но после 14 часов в пути нам было уже все равно. Еще немного, и мы расстелились бы прямо в степи. Как же удобно было кочевникам! Дом всегда с собой.

Самым романтичным воспоминанием оказалася групповой поход в туалет в абсолютно плоской

пустыне под яркой луной. Как муравьи, пассажиры рассыпались по разным сторонам от трассы и застыли от восхищения. Было уже холодно, дул пронизывающий ветер, а сверху огромным шаром висела гигантская фосфорная луна. Светло, почти как в белые ночи в Питере. Уйти от машины далеко страшно – дикие животные. Оставаться близко – стыдно. На допустимой для каждого грани стыда и страха я и мои спутники присаживались в усталости и испытывали самую противоречивую смесь чувств, возможную в подобной ситуации.

ЮРТА

Я проснулась в шестом часу утра. Окошко на крыше юрты уже было белесое и постепенно наполняло юрту светом. Удивительно, насколько много света в юрте от одного небольшого окна сверху. Я думала, что в юрте должно быть темно, но, оказывается, это будто большая лампа естественного света наверху.

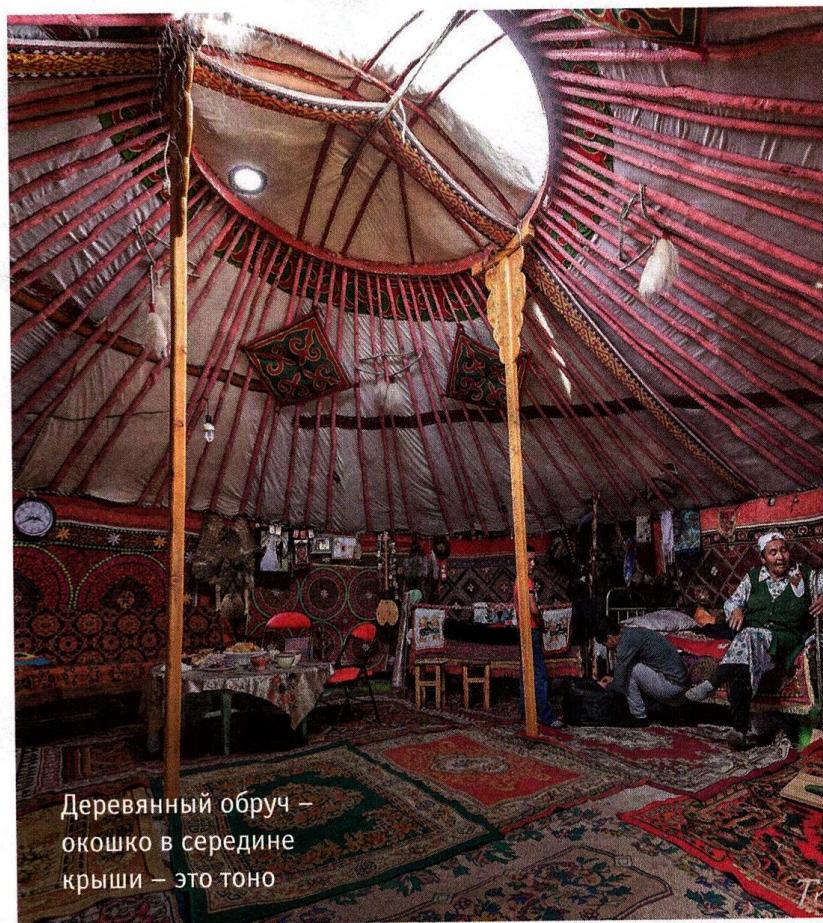
На удивление, самыми полезными предметами в поездке оказались спонтанные подарки и покупки. Я никогда не стала бы брать их специально. Лидирует в списке термос. Я заварила в нем кофе.

Снаружи температура такая же, как и внутри. Неудивительно: ведь низ нашей юрты, как и у всех летних юрт, ничем не закрыт: от земли до утеплителя промежуток сантиметров так 30!

Рассвет в пустыне невероятен. Ощущение покоя и безопасности, медленного пробуждения жизни. На рассвете пустыня наполнена звуками. Стрекочут птички, слышно трепетанье чьих-то крыльев. Громогласно радуются утру собаки. В соседней юрте уже слышны сонные женские голоса. Пролетел жук. Приходится то и дело проверять свою голову на наличие насекомых: вечером в юрте я обнаружила 6 жуков, потом перестала искать.

Конечно, наша юрта не каноническая. Во-первых, она не покрыта войлоком и не завязана волосяными веревками. Во-вторых, не ориентирована по сторонам света. Но для первого знакомства и пробного нырка в культуру годится.

Настоящая монгольская юрта – гениальное изобретение. Ей минимум 3000 лет – китайцы задокументировали, что в таких спали еще предки хунну. Тех самых, от которых построили Китайскую стену и которые потом вместе с Аттилой терроризировали Европу, – в общем, пра-пра-прадеды Чингисхана и современных монголов.

| БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ |

Основа монгольской
кухни – мясо и жир

| БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ |

Все в юрте продумано до мелочей. Это как китайские палочки – нечто настолько простое и крутое, что не требует улучшения. Состоит юрта из нескольких простых элементов. Секции решетки для стен (называются ханы). Длинные прямые жерди, один конец острый, другой с петелькой, из них складывают крышу (это уни). Деревянный обруч – окошко в середине крыши – это тоно. 4–6 секций решетки ставятся на землю по кругу, связываются кожаными ремешками. В отверстие между ними привязывается дверной проем. Сверху накладываются жерди, в центре острым концом входящие в пазы круга-тоно, а другим концом упирающиеся в решетку. Сверху на все это накидывается войлок. Собрать-убрать всю конструкцию занимает 2–3 часа для двух людей. Весит она 200 кг. Легко перевозится на двух верблюдах или в пикапе.

Плюсы такой штуки, кроме очевидной мобильности и простоты сборки, в том, что она зимой сравнительно хорошо держит тепло, а летом прохладу. Сухой зимой в -30°C 2–3 слоя войлока – как валенки. Лучше всего защищают от холодов. Круглая форма помогает удерживать тепло лучше, чем квадратная. Летом снизу от земли оставляется расстояние – ветерок сквозит. Сквозь войлок, распаренный на жаре, проходит воздух, но не проникает солнце. Горячий воздух уходит через крышу, холодный заходит снизу через отверстия. Аэродинамичная форма может устоять во время ураганного ветра, которые в степи не редкость. Легкость конструкции защищает во время землетрясений: даже если юрта обрушится, ничего страшного не произойдет, никого не прибьет. А любую сломавшуюся деталь можно легко заменить.

Юрта всегда ориентируется по сторонам света. Вход ставится на юг – в подветренную сторону, чтобы не задувал ветер. Головой люди спят на север. Говорят, это полезно – ориентация по магнитным полям. Сама юрта – это солнечные часы. Так как она всегда ориентирована одинаково, то по тому, на какую часть жердей потолка юрты падает свет из верхнего окошка, люди определяют время. Утро начинается с того, что свет падает по правую сторону двери – пора выводить скот на пастбище. День заканчивается тем, что луч света, совершив круг, падает на левую сторону двери – пора доить скот. В юрте очень хорошая слышимость – возможно, даже лучше, чем на открытом воздухе. Можно услышать приближение врага.

БАРХАН ХОНГОРЫН ЭЛС

Остановиться посреди Гоби, конечно же, мне было недостаточно. Утром мы двинулись в совсем дикие места – к одному из самых больших барханов в мире Хонгорын Элсу. До него от ближайшего поселения шесть часов в пути по полному бездорожью, вне пространства и времени.

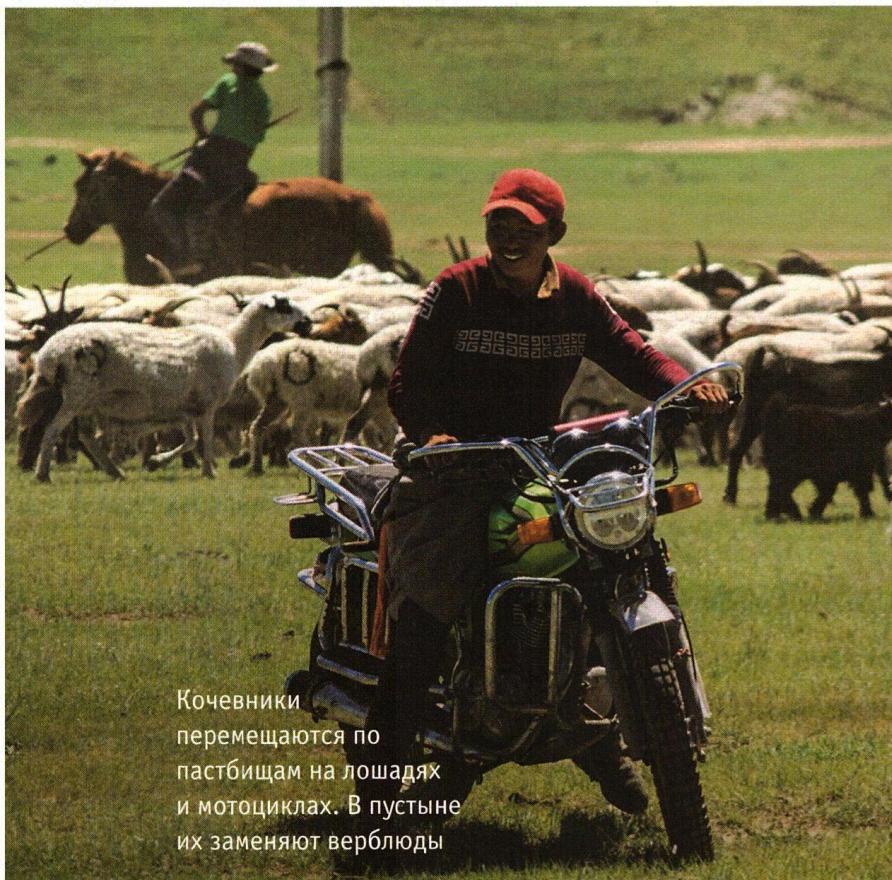
Нашей самонадеянности можно было только позавидовать. Мы привыкли полагаться на интернет и карты, не сомневаемся, что во всех туристических местах найдется кафе или по крайней мере магазин. Монголия раскрыла глаза на такой вроде бы простой факт, что в пустыне кафе и магазинов нет.

Мы тряслись по каменьям уже пятый час, отчаявшись найти какую-то еду. Кроме поллитровки воды, большинство из нашей иностранной компании в пустыню Гоби решило ничего с собой не брать. Я опасливо держала в поле зрения свои две пятилитровые баклажки.

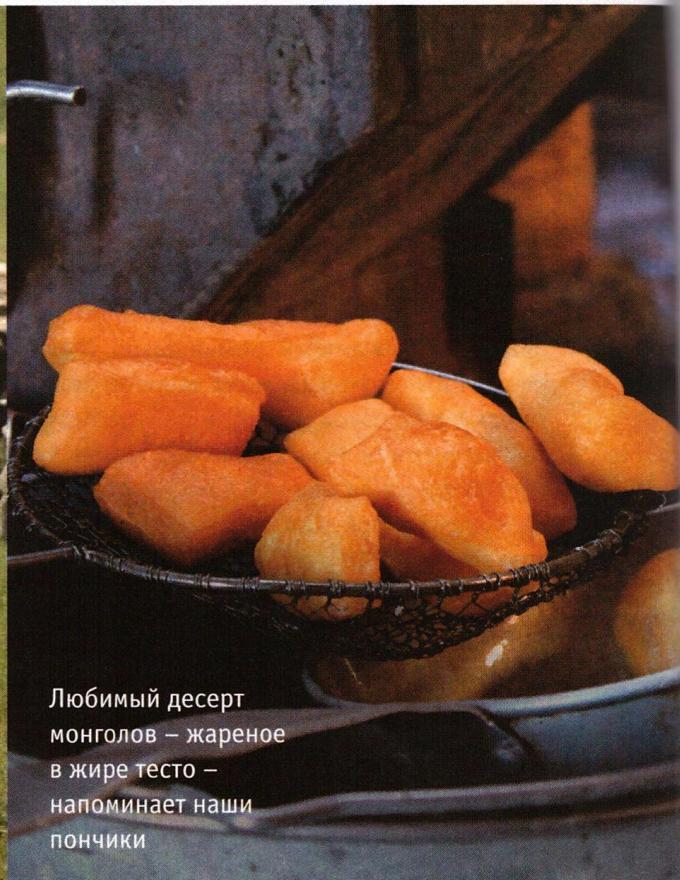
Мы попытались пообедать в двух юрочных лагерях. В одном был какой-то большой праздник, где собрался весь род – современные монголы до сих пор живут по родам, и каждый человек обязан наизусть знать семь поколений своих предков. Там было человек 200–300. Возможно, был день рождения старейшины рода. К сожалению, лишней еды на 10 человек не нашлось. В другом модном юрочном отеле девушка-администратор обиделась на меня, когда я попросила накормить нас поскорее, чтобы успеть на бархан до заката.

Вообще, монголы – это особенные азиаты. Они не похожие ни на китайцев, ни на корейцев, ни на киргизов. Мощные, крупные. Как мужчины, так и женщины. Сразу видно, выросли на мясе и молоке. Легко можно представить, как какая-нибудь широкоплечая монгольская девушка откладывает в сторону свою сумочку «Прада», срывает с себя платье из «Зары», запрыгивает на скакуна и отправляется завоевывать Новгород.

ЮРТА КАК КИТАЙСКИЕ ПАЛОЧКИ – НЕЧТО ПРОСТОЕ И КРУТОЕ, ЧТО НЕ ТРЕБУЕТ УЛУЧШЕНИЯ

Кочевники
перемещаются по
пастбищам на лошадях
и мотоциклах. В пустыне
их заменяют верблюды

Любимый десерт
монголов – жареное
в жире тесто –
напоминает наши
пончики

Народ горделивый, упрямый. С четкой субординацией мужчина-женщина. Я о том, что наши водители-мужчины решили скреативить и не послушать меня – женщину и по совместительству единственного человека с офлайн-картой местности в машине. В результате недалеко от бархана Хонгорын Элс мы намертво зарылись в песок, попытавшись «срезать» 15 километров не по карте. Произошло это недалеко от семьи кочевников – пастухов верблюдов, у которых нам посчастливилось в этот день все-таки побороть лапшой с жиром и песком.

Семья эта живет в месте с одним из самых удивительных видов. Юрты обращены входом на юг, как положено. Лицом к великому бархану, вглубь пустыни, в сторону Китая. Вокруг лунные пейзажи. Камень и песок. Земля, иссущенная в корку. Верблюды степенно лежат прямо перед юртами, отдыхая на сорокаградусной жаре.

Нас посадили под ржавый, выжженный солнцем, некогда синий навес в форме юрты. Он кое-как закрывал от солнца, но не защищал от ветра – горячего, колючего от крупинок песка, обжигающего кожу. Толкаемые жаждой и голодом прямо

в пучину гастрономического безумия, мы заливаем в себя холодный зеленый чай из ведра и едим позавчерашние борсоки – монгольские пончики на баарнем жиру, покрывающиеся легкой корочкой.

С нами за столом – главный монгол этого дома. Сурово глядит на нас из-под своих ангельских кудряшек и стучит кулаком по столу. Это мальчик лет четырех – длинноволосый, чумазый, но очень миловидный, в грязнущей майке и без штанов. Общается с туристами на языке жестов и доминирования. Вскоре подают главное блюдо нашего стола и Монголии в целом – цуйван. Это пшеничная лапша с огромным количеством мяса и жира. В нашей, гобийской модификации, секретным ингредиентом был песок пустыни, надуваемый ветром и скрипящий на зубах. Примерно в этот момент ко мне пришло осознание, что мы едим, чтобы жить, а не живем, чтобы есть, и я не заметно отодвинула свою тарелку в сторону.

Мы побороли и двинулись дальше в путь. Я видела хитрый взгляд водителей и слышала тихие разговоры с хозяином юрты. Но совершенно не подозревала, чем это все обернется. Как я упомянула ранее, водители решили срезать дорогу.

| БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ |

Мы свернули прямо в сторону бархана. Продвинулись на несколько сотен метров по песку. Цель казалась близкой как никогда. Остановка. Странный звук из-под колес. Легкое замешательство на лице водителя. И тут на меня нисходит осознание: мы зарылись по корпус машины в песок посреди Гоби.

Под мудрым и твердым руководством мужчины-водителя десять девушек стоят позади машины и толкают по сигналу. Фонтан из горячего песка из-под колес летит прямо в лицо. Водитель упорно жмет педаль газа. Солнце продолжает палить. Вокруг тишина и пустота, умиротворение.

Прошло два часа перед тем, как Алтан Тумык – выталкивание машины нас так сблизило, что мы решили обменяться с водителем именами, – согласился обратиться к кочевникам за помощью. Недоверчивые жители пустыни сперва не признавались во владении джипом, припаркованным у юрты. «Это не наш, хозяин ушел». Но когда бревно, которое они привезли нам на помощь на мотоцикле, не сработало (его нужно было подкладывать под колеса), их простимулировал внутренний азарт и 100 тысяч тугриков. Хозяин машины отыскался не так далеко, в соседней юрте. Трос тоже нашелся. Нас дернули и отправили с ускорением подальше из Гоби в сторону цивилизации.

ДОРОГА НАЗАД

Постепенно выжженная земля Арракиса сменяется заставками «Виндоус». Молодой пастушок на мотоцикле гонит стадо бегущих верблюдов. Пейзаж зеленеет, в машине становится прохладнее. Мы снова выезжаем из пустыни в степь. Пересяживаемся на местный автобус. Из телевизора орут задорные монгольские песни. Люди что-то тихонько жуют и интеллигентно перекрывают, обнажая здоровые зубы.

Остановились на обед. Пообедала сулей ца-ем – молочным чаём с солью и маслом. После пустынной лапши мне пришлось пересмотреть мой подход к питанию. Не так уж много человеку и нужно... Чай замечательный. Думаю, могу на нем спокойно протянуть неделю.

Возвращение в Улан-Батор было триумфальным. Настоящий отель с настоящей кроватью. Небоскребы в центре города. Модные кафе и толпы беспечных туристов, нелепых в своих белых кроссовках, еще не запачканных песками пустыни.

В городе нас встретила семья русских, родившихся в Монголии. Так получилось, что после проведения границы между советской Бурятией и Монгoliей в советское время деревня, в которой обитали предки наших новых знакомых, оказалась на стороне Монголии. Русские адаптировались, переехали в Улан-Батор. Родили детей и внуков, для которых родной язык уже монгольский. Их правнук женился на монголке, поставил юрту для молодой семьи во дворе и занимается тем, что гоняет машины из Кореи через Монголию в Россию. Внучка подрабатывает в российском культурном центре. Ее третий муж – тоже монгол. На большой семейной фотографии половина лиц явно имеет сходство с Чингисханом.

Долгожданная передышка после спартанских условий в Улан-Баторе продлилась недолго. Город есть город, а степь сама себя не освоит. Впереди лежала дорога назад – через легендарную Кяхту, перевалочный пункт на Великом Чайном Пути, прямо в Россию. Только теперь уже на небольшом местном автобусе. Как говорят монголы, брюхо можно насытить, любознательность – никогда! ☺